

Золотая столица Кинду

Золотая столица империи Великая Чжоу, также именуемая Кинду, была средоточием всего самого изысканного и величественного. Здесь обитали самые влиятельные, образованные, богатые и красивые люди Поднебесной, а также величайшие мастера боевых искусств.

Разумеется, не обходилось и без праздных бездельников — молодых господ из знатных семей, которые проводили дни в кутежах, петушиных боях и конных состязаниях.

К тому времени империя существовала всего около двухсот лет, и подобной золотой молодёжи было не так уж много, однако у них уже появилось излюбленное место сбора — Терраса Крика Журавля.

Журавль кричит на Золотой террасе, оглашая небеса и землю вестью о мудром правителе.

Там раскинулся сад утех, благоухающий сандалом в эпоху процветания.

Разве могло в процветающую эпоху обойтись без шумного, весёлого вертепа, где безжалостно спускали целые состояния? Терраса Крика Журавля была именно таким заведением.

Широкий тракт, вымощенный старинным белым камнем, растянулся почти на шесть чжанов в ширину. Здесь яблоку негде было упасть: непрерывным потоком тянулись экипажи, а всадники следовали друг за другом, словно извивающиеся драконы.

Лицо Ху Пэя скрывала традиционная для Великой Чжоу маска из бамбука цзянькун — белая, расписанная алыми узорами. Он лениво покачивался в бамбуковом кресле, закреплённом на спине верного слуги Ху Линя, пробираясь сквозь людское море к Террасе Крика Журавля.

По левую руку его оберегал шестой брат, Ху Ян, а справа, бережно неся бамбуковую клетку с Великим Генералом, торопливо шагал Ху Сун.

У чайных лавок перед входом толпились слуги и служанки, присланные строгими родителями за чадами, которые так и не вернулись домой ночевать. Сбившись в кучки, они шумно судачили, попивая бесплатный чай, любезно предоставленный заведением, и дожидались своих непутёвых молодых хозяев.

Спрыгнув с кресла, Ху Пэй услышал, как Ху Ян пробормотал:

— По сравнению со здешними завсегдатаями Павильона Благодатной Ночи, наши домашние правила — просто образец строгости.

Ху Пэй не удостоил его ответом. Он скользнул взглядом по клетке в руках Ху Суна и едва

заметно кивнул:

— Держи крепче. Сегодня мы непременно проучим этого выскочку Чао Цо.

У парадных дверей Террасы прислужник, поставленный Чао Цо караулить гостей, радостно завопил:

— Идёт! Наш молодой господин идёт!

Ху Ян усмехнулся и толкнул брата локтем:

— Гляди-ка, заждались нас.

— Ждёт не дождётся, когда с него спустят шкуру и с позором провезут по улицам, — лениво отозвался Ху Пэй.

В сопровождении почтительных поклонов и приветственных выкриков они миновали просторный вестибюль, пересекли внутренний сад и направились к Военной башне, расположенной в правом крыле усадьбы.

Время было ещё раннее.

Именно эти утренние часы лучше всего подходили для забав малолетних господ — тех, кому ещё не исполнилось тринадцати.

Ближе к полудню здесь соберутся юноши постарше, лет четырнадцати-пятнадцати. Только-только воспрянув от сна в Павильоне Благодатной Ночи, они придут сюда плотно пообедать, выпить по чарке лёгкого вина, а затем отправятся домой — предстать перед очами строгих отцов.

А вот юноши семнадцати-восемнадцати лет жаловали Террасу лишь после заката. Эта степенная публика устремлялась в левое крыло, к Литературной башне, и расходилась по домам задолго до полуночи, поскольку большинство из них уже были связаны узами брака, и за ночёвку вне дома их ждала суровая трёпка от глав семейств.

В центре зала уже была подготовлена огромная золочёная клетка для птичьих боёв. Собравшиеся с нетерпением ждали начала поединка.

Чао Цо, младший сын отца высокопоставленной наложницы Великого министра, пользовался в столице славой малолетнего задиры. Его отец служил в подчинении у самого Великого министра Цзи Сюэкана, и всё их семейство обожало прикрываться этим громким именем при каждом удобном случае.

В Золотой столице мелких чиновников было пруд пруди, и чин Младшего министра мало кого мог впечатлить. Но вот статус «тестя Великого министра» или «шурина Великого министра» — это совсем другое дело.

Чао Цо был пухлым малым, и в своём тёмно-красном шёлковом наряде походил на дорогую нарядную куклу. Несмотря на избыточный вес, черты его лица были довольно приятными. Сам Верховный канцлер как-то обронил, что у мальчика «лицо, отмеченное благословением судьбы», и с тех пор Чао Цо величал себя не иначе как баловнем судьбы.

Ху Пэя он терпеть не мог.

Этот изнеженный, похожий на девчонку выскочка пользовался славой «спутившегося на землю божества». Но хуже всего было то, что сама госпожа Тянь И, прелестная дочь чиновника конюшен, посвятила ему стихи!

Чао Цо не помнил точных строк, но до сих пор отчётливо видел, как юная дева, подперев руками подбородок, мечтательно вздыхала, глядя на небо. Он сам тогда подглядывал за ней, забравшись на соседский забор.

Именно из-за этого он и подкараулил соперника у ворот начальной школы, решив во что бы то ни стало опозорить господина Линцзюня.

В тот день он преградил Ху Пэю дорогу и принялся осыпать его насмешками, обзывая девчонкой, ленивцем, нищим оборванцем и неучем.

Как раз в этот момент мимо ворот проходил торговец птицей.

Слушая истошное кудахтанье обречённых на убой кур, Ху Пэй небрежно указал на корзины торговца и обратился к разгорячённому Чао Цо:

— Купи эти две клетки. Ты выберешь одного петуха, я другого. И мы решим наш спор на Террасе Крика Журавля.

Чао Цо опешил, застыв в изумлении. Посмотрев на остановившегося торговца, он недоумённо спросил:

— Это ещё зачем?

Ху Пэй, слегка откинувшись на спинку кресла слуги, жестом велел Ху Суну загородить его от летящих слюней собеседника.

— Ты назвал меня нищим? — лениво проговорил он. — Что ж, покупай птиц, а я выберу свою.

Сказал, что я не бывал на Террасе Крика Журавля и не видел жизни? Тогда там и устроим бой.

— И что с того? Каковы ставки? — Чао Цо нетерпеливо махнул рукой слуге.

Тот послушно отсчитал монеты торговцу, и две бамбуковые клетки опустились на землю прямо у школьных ворот.

Ху Пэй прищурился:

— Если проиграю я — признаю, что все твои слова чистая правда. Если проиграешь ты — снимешь с себя всё до нитки, сядешь на своего хвалёного скакуна и сделаешь почётный круг по тракту Белого Коня.

— Идёт! — азартно выпалил Чао Цо и тут же полез выбирать бойца.

В петушиных боях и ловле сверчков он знал толк. Из восьми предложенных птиц он сразу выудил самого крупного, свирепого угольно-чёрного петуха и велел запереть его в отдельную клетку.

Лишь закончив с выбором, он сообразил:

— Постой-ка, Ху Пэй! С какой стати я в случае проигрыша должен ехать голышом по городу, а ты — всего лишь признать мою правоту?

Ху Пэй тонко усмехнулся:

— Разве ты сомневаешься в своих словах?

Чао Цо выпятил грудь колесом:

— Конечно нет! Моё слово твёрдое. Ты девчонка? Девчонка! Лентяй? Ещё какой! Пустозвон без капли знаний в голове!

Ху Пэй спокойно посмотрел на него, а Ху Сун услужливо расступился, давая господам встретиться взглядами.

— Я не согласен с твоими словами, — ровным голосом произнёс Ху Пэй. — Но если ты победишь, мне придётся смириться. Согласен?

— По рукам! — победно воскликнул Чао Цо. — Я заставлю тебя признать поражение перед всей столицей. Через десять дней жду тебя на Террасе Крика Журавля. И помни: твой петух

должен быть из этих оставшихся семи. Хоть курицу выбирай, но если подменишь птицу — сразу засчитаю поражение.

— Договорились, — кивнул Ху Пэй и сделал знак Ху Суну забрать клетку с оставшимися птицами.

Однако на этом история не закончилась.

Вернувшись вечером домой, Младший министр образования услышал на заднем дворе неистовое петушиное кудахтанье. Расспросив слуг, он узнал, что его непутёвый сын затеял новый спор. Чао Ган пришёл в ярость: мало того что семейный бюджет страдал от постоянных трат на забавы этого избалованного мальчишки, так он ещё и новых птиц притащил!

Он немедленно вызвал сына к себе.

Чао Цо без утайки выложил отцу всё как есть, добавив, что делает это исключительно ради того, чтобы сойтись ближе с госпожой Тянь И и тем самым укрепить положение семьи.

Глядя на самодовольную, глупую физиономию сына, Младший министр едва сдержал желание запустить в него чем-нибудь тяжёлым.

— Глупец! — взревел он. — Жиром заплыл, а ума ни на грош не нажил! Если этот сопляк Ху Пэй тебя одолеет, ты опозоришься на всю столицу. Но даже если ты победишь, ты думаешь, твои слова окажутся правдой?

Чао Цо недовольно надулся:

— Конечно! Если я выиграю, все увидят, что этот Ху Пэй — просто смазливый слабак, нищий оборванец и глупец, у которого за душой ничего нет...

— Похоже, единственный глупец здесь — это ты! — Младший министр побагровел от гнева. — Где ты устроил эту перепалку?

— Прямо у ворот начальной школы.

— О небо... — Чао Ган схватился за голову. — Ху Пэй ещё ребёнок, но о его талантах наслышан сам Верховный канцлер! А ты устраиваешь петушиные бои у ворот государственного училища и заявляешь, что победитель окажется прав? Да если ты выиграешь и объявишь его невеждой, это будет означать, что наша школа ничему не учит, а конфуцианское учение бессильно! Ты понимаешь, что подставляешь под удар всё министерство? Нас же сотрут в порошок!

Разозлённый отец схватил бамбуковую трость и принялся нещадно охаживать своего

«благословенного» отпрыска.

— За что, отец?! За что?! — верещал Чао Цо, уворачиваясь от ударов. Но Младший министр лишь молча вымещал на нём свой страх перед возможным гневом начальства.

Проболев два дня, Чао Цо снова подкараулил Ху Пэя у школьных ворот. На этот раз он не стал тратить время на разговоры и сразу бросился на обидчика с кулаками.

Ху Пэй заметил его приближение заранее. В этот момент на старой сосне у ворот весело щебетали птицы.

"Ой, глядите, глупый сынок Младшего министра снова пришёл донимать господина Линцзюня! Кричит, что с одного удара уложит!"

"И всё из-за того, что старый министр избил его, но так и не решился объяснить причину. Ведь если этот увалень выиграет, то выставит школу на посмешище перед всей империей, показав, что конфуцианцы растят неучей. Это же прямой вызов всей конфуцианской школе!"

"А почему отец ничего ему не объяснил?"

"Чему вас только учат в этих краях? Младший министр оставил себе путь для отступления. Если дело дойдёт до суда, он всегда сможет заявить, что его сын — непроходимый глупец, который ничего не смыслит в политике. С дурака и спроса меньше!"

Ху Пэй пристально посмотрел на летящего к нему Чао Цо. Как только кулак пронёсся мимо, он мягко уклонился и точным, коротким ударом ноги подсёк соперника под колено.

Чао Цо с глухим стуком повалился на колени прямо в пыль перед школьными воротами.

— Ах ты, девчонка... — прохрипел он, пытаясь подняться.

— Советую тебе постоять так подольше, — невозмутимо оборвал его Ху Пэй. — А когда вернёшься домой, расскажи отцу, что преклонил здесь колени. Обещаю, после этого он больше не станет запрещать тебе наш поединок.

Чао Цо застыл в недоумении. Когда слуги помогли ему подняться, Ху Пэй уже уезжал, покачиваясь в своём кресле.

Дома Чао Цо, сжав зубы, поведал отцу о случившемся.

Младший министр выслушал его, медленно опустил уже приготовленную розгу и глубоко

вздыхнул. Сын преклонил колени перед воротами школы — этот жест искупал любую возможную дерзость против конфуцианских святынь. Теперь, даже если поединок состоится, никто не посмеет обвинить их семью в неуважении к учению.

— Что ж, — сухо обронил Чао Ган. — Раз пообещал — бейся. Но чтобы больше никаких скандалов у ворот училища.

Терраса Крика Журавля

На Террасе Крика Журавля вокруг золотой клетки собралась внушительная толпа. Ученики Начальной школы Белого Коня — мальчишки и девчонки, всего человек двенадцать — окружили Ху Пэя, наперебой выкрикивая слова поддержки.

Чао Цо за прошедшие дни заметно присмирел. Накануне мать, выведавшая мысли Младшего министра, строго-настрого запретила ему рассуждать об уме или глупости соперника.

— Слышь, изнеженный господин Ху! — крикнул он, стараясь звучать уверенно. — Сегодня я размажу твою птицу. А если проиграешь — пеняй на себя, поедешь по городу без штанов!

Зрители на галерее второго этажа заулюлюкали. Среди праздных гуляк было немало молодых девиц в изысканных шелках, которые тоже не упускали случая повеселиться.

— О! Если благородный господин Линцзюнь действительно поедет на коне нагишом, мы усыплем его путь цветами и наймём лучших живописцев, чтобы запечатлеть это зрелище! — покатываясь со смеху, крикнул кто-то сверху.

— Да вся девичья половина столицы сбежится к тракту, забыв про уроки! — вторил другой голос.

— Что там девицы! Мужчины и те глаз отвести не смогут от такого личика!

Чао Цо довольно расплылся в улыбке и церемонно поклонился галереям:

— Благодарю за поддержку, почтенные братья и сестры! А теперь... — Он повернулся к Ху Пэю, который лениво развалился в кресле. — Ху Пэй, выпускай своего задохлика! Пора начинать!

Ху Ян заметно нервничал. Он покосился на брата, но тот лишь небрежно шевельнул пальцем.

Ху Сун поспешно поднёс клетку к арене.

Ху Пэй слегка наклонился к притихшему в клетке петуху и что-то негромко шепнул ему на ухо, после чего кивнул слуге:

— Запускай.

Прислужник Чао Цо, грубо оттолкнув Ху Суна плечом, первым швырнул своего Чёрного Генерала в золочёную клетку. Ху Сун сердито фыркнул, но аккуратно выпустил Великого Генерала следом.

Грохнул медный гонг.

Толпа взревела:

— Нападай! Клей его! Забивай!

Чёрный Генерал величественно прошествовал в центр арены, грозно топорща перья:

"Ну что, братец, как поживаешь?"

Великий Генерал испуганно зажмурился, прижимаясь к золочёным прутьям клетки:

"Да не очень, старик. Мой смазливый хозяин шепнул, что если я проиграю, он лично ощипает меня на ужин."

Чёрный Генерал сочувственно кивнул:

"Жестоко. Мой толстяк тоже грозился пустить меня на суп, если упущу победу."

Великий Генерал жалобно заклокотал:

"Тебе-то хорошо, ты один. А у меня на птичьем дворе остались жёны: Сяо Хуа, Сяо Мэй, Да Хуа, Да Мэй... Если меня не станет, их же всех пустят под нож вместе со мной!"

Чёрный Генерал вдруг замер, его перья встали дыбом от ярости:

"Что?! Так это ты прибрал к лапам мою Да Мэй, пока меня не было?! Ах ты паршивец! Забью до смерти!"

Великий Генерал испуганно захлопал крыльями, взлетая под самый купол клетки:

"Так тебя же забрали! Все решили, что ты подох, вот они и пошли за самым сильным!"

Чёрный Генерал окончательно потерял голову от злости:

"А Да Мао и Сань Мао тоже подохли?! И их кур ты тоже себе забрал?! Негодяй! Защищайся!"

Чао Цо залился торжествующим смехом:

— Видали?! Ху Пэй, твой петух — трусливая мокрая курица! Он только бегать горазд!

Военная башня взорвалась весёлым хохотом. Сторонники Ху Пэя покраснели от досады и принялись неистово кричать:

— Нападай! Великий Генерал, бей его! Ну же!

Ху Пэй медленно приоткрыл глаза и едва заметно кивнул Ху Линю. Тот сразу понял знак, шагнул к стоявшему рядом однокласснику Ми Цзяо и шепнул:

— Молодой господин Ми Цзяо, мой хозяин просит вас помочь.

Ми Цзяо, бледный от волнения, обернулся:

— Ху Пэй, что делать? Мы же проигрываем!

— Его зовут Великий Генерал, — спокойно произнёс Ху Пэй.

Ми Цзяо мгновенно сообразил, в чём дело, и во всё горло заорал:

— Великий Генерал, взлетай! Сверху бей его, сверху!

Остальные ученики тут же подхватили этот призыв, подбадривая испуганную птицу.

Ху Пэй устало прикрыл глаза ладонью, отрешаясь от шума. Ху Ян лишь растерянно качал головой — поединок складывался совсем не так гладко, как хотелось бы, а его младший брат, казалось, ничуть не заботился о своей участи. На противоположной стороне Чао Цо и его свита продолжали неистово орать, подгоняя Чёрного Генерала к решающей атаке.